

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Во Тифлисе: въ Редакціи, находящейся при Типографіи, что на Александровской площади; а также въ Тифлисской Почтовой Конторѣ. Во С.-петербургѣ: въ Конторѣ газеты «Кавказъ», при книжномъ магазинѣ поч. гражд. В. П. Печаткина, и въ Газетной Экспедиціи. Въ Москвѣ: въ Газетной Экспедиціи московскаго почтаита. Въ губернiахъ: въ Губернскихъ Почтовыхъ Конторахъ.

КАВКАЗЪ

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

№ 8.

условія подьиски:

За газету «Кавказъ» безъ казенныхъ прибавленийъ 9 р. Съ казенными прибавлениями 12 р. 50 к. За одинъ казенный прибавленіи 5 р. Съ частныхъ объявленій, печатанныхъ въ газетѣ, взимается по 1/4 коп. серебромъ съ буквы.

СОДЕРЖАНІЕ:

Правительственныя распоряженія, Высочайшіе приказы по военному ведомству отъ 26—27 декабря. Вѣстиа о Россіи. Придворныя вѣстиа. Политическое обозрѣніе. Литературный отдѣлъ. Современный бытъ Ставрополя (окончаніе). Фельетонъ. Мика,—разсказъ (окончаніе).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

по отдѣльному назначенію корпусу и войскамъ къ нему прикомандированнымъ.

Декабря 26-го дня 1856 года. Переводятся: Гренадерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полка Штабсъ-Капитанъ Кандиновъ—въ Крымскій Пѣхотный полкъ. Полтавскаго Пѣхотнаго полка. Прапорщикъ Травло—въ Самурскій Пѣхотный полкъ. Черноморскаго Липейнаго батальона № 2-го Подпоручикъ Хамратъ—въ Пѣхотный Генераль-Фельдмаршала Графа Дибича-Забалканскаго полкъ. Увольняется въ отпускъ: Лейбъ-Гренадерскаго Эриванскаго Его Величества полка Подпоручикъ Сикорскій 3-й—въ С.-петербургъ, для излеченія болѣзни, отъ ранъ и контузій происходившей, на 6 мѣсяцевъ.—Продолжается срокъ отпуска: Драгунскаго Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полка Поручикъ Дуровъ—въ Тульскую губернію, по 1-е марта 1857 года. Куринскаго Пѣхотнаго полка Штабсъ-Капитану Курману—въ С.-петербургъ, для излеченія болѣзни, отъ ранъ и контузій происходившей, на 4 мѣсяца.

Декабря 27-го дня. Переводятся: Бывшаго Уланскаго Принца Александра Гессенскаго полка Штабсъ-Ротмистръ Аджи-

Мустафа-Умаровъ—въ Драгунскій Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полкъ. Дагестанскаго Пѣхотнаго полка Маіоръ Русановъ—въ Кубанскій Пѣхотный полкъ.

ИЗВѢСТІЯ О РОССІИ.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

25-го декабря, по случаю праздника Рождества Спасителя Ншего Иисуса Христа, совершена была духовникомъ Ихъ Величествъ, протопресвитеромъ Бажаповымъ, соборитъ, въ Большомъ Придворномъ Соборѣ Зимняго Дворца, божественная литургія, въ присутствіи Его Императорскаго Величества, Ихъ Императорскихъ Высочествъ: Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, Великихъ Князей: Александра и Владиміра Александровичей, Константина Николаевича, Его Великогогерцогскаго Высочества Герцога Георга Мекленбургскаго, Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Князей Романовскихъ, Герцоговъ Лейхтенбергскихъ: Николая и Евгения Максимилановичей, Принца Петра Ольденбургскаго и Ихъ Высочествъ: Принцевъ Николая и Александра Ольденбургскихъ. Государыня же Императрица Марія Александровна, Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Великие Князья: Алексій Александровичъ, Николай Константиновичъ и Николай Николаевичъ, Великая Княгиня Александра Петровна и Его Высочество Принцъ Ольденбургскій изволили слушать литургію въ Малой Церкви Зимняго Дворца. По окончаніи литургіи отправлено было высокопресвященнымъ Григоріемъ, митрополитомъ новгородскимъ и санктпетербургскимъ, архіепископами: Иллѣмъ Ярославскимъ и Θεодотіемъ симбирскимъ, духовникомъ Ихъ Величествъ, протопресвитеромъ Бажаповымъ, обер-свищенникомъ арміи и флота Кутевичемъ и придворнымъ духовенствомъ благодарственное молебствіе съ коленнопреклоненіемъ, въ воспоминаніе избавленія Церкви и Державы Россійской въ 1812 году отъ нашествія неприятелей. Во время пѣнія Гель Боги хвалимъ, произведенъ былъ съ Петропавловской крѣпости 101 пушечный выстрѣлъ.

— Въ четвергъ, 27-го декабря, чрезвычайный посолъ е. в. императора Французовъ графъ де-Мориа имѣлъ честь представляться Его Императорскому Высочеству Государынь

Великой Княгини Александры Петровны и поднести Ея Высочеству поздравленія по случаю ечастливаго разрѣшенія Ея отъ бремени.

Вследъ затѣмъ прибывшій съ чрезвычайнымъ порученіемъ отъ е. в. королевы испанской герцогъ д'Осуна-и-дель-Инфанта вмѣстѣ съ лицами своей свиты, адъютантомъ своимъ полковникомъ главнаго штаба г. Киномосомъ де-Леономъ и первымъ секретаремъ посольства кавалеромъ де-Валера, также имѣлъ честь представляться Ея Императорскому Высочеству и поднести поздравленія по тому же случаю.

По окончаніи этихъ представленій Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Александра Петровна изволила принять, въ присутствіи Августѣйшаго Супруга Своего, Его Императорскаго Высочества, Государя Великаго Князя Николая Александровича, поздравленія членовъ Дипломатическаго Корпуса обоего пола, по случаю разрѣшенія Ея Высочества отъ бремени.

Въ тотъ же день супруга чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра е. в. короля Обухъ Спѣшій г-жа Редкина имѣла честь представляться Ея Императорскому Высочеству Государынь Великой Княгини Александры Петровны.

— Въ субботу, 29-го декабря, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ е. в. короля сардинскаго маркизъ Саули имѣлъ честь представляться Его Величеству Государю Императору и поднести Его Императорскому Величеству свои кредитивныя грамоты.

Вследъ за тѣмъ повѣренный въ дѣлахъ е. в. султана Серверъ-Эфеиди, третій секретарь французскаго посольства г. Сальверъ и состоящій при прусскомъ посольствѣ г. Шлецеръ имѣли честь представляться Его Величеству Государю Императору.

Въ тотъ же день супруга чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра е. в. короля прусскаго баронесса фонъ Вергеръ имѣла честь представляться Ея Императорскому Высочеству Прицессѣ Терези Ольденбургской.

— Русскій посланникъ при баварскомъ дворѣ г. Северлиъ заключилъ въ Карльсруѣ брачный договоръ Его Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича съ принцессой Цециліей Баденской.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

М И К А.

РАЗСКАЗЪ.

(Окончаніе).

V.

Хороши эти лунныя ночи вездѣ; но особенно хороши онѣ въ странахъ юга, средь дикихъ ущельевъ, чернѣющихъ межъ скалистыхъ высокихъ горъ. Тамъ природа, и безъ того уже поразительная, освѣщенная серебристыми переливами свѣта, является и мрачній и еще величественнѣе... Окрестности принимаютъ особенный, фантастическій колоритъ; нехота раздѣляешь вѣрованія дикихъ обитателей этихъ горъ, населяющихъ ихъ духами и призраками. Вѣковые лѣса, одѣвающие бока черныхъ пропастей; стрыя скалы, отъисно стоящія надъ киплящими, бѣшеными потоками; силуэты вершинъ, отдѣляющіеся на темноголубомъ небосклонѣ, усаивномъ крупными и снопкими звѣздами; томные лучи мѣсяца, отражаемые снѣгами и ледниками—все это даетъ необыкновенное настроеніе мысли и располагаетъ къ чудесному. Прибавьте ко всему этому мертвую, совершенную тишину, когда слышно паденіе капли и шестствъ сучка, и вы будете имѣть слабое только понятіе о томъ впечатлѣніи, которое повевоитъ испытыватьсь, оставшіся тихою лунною ночью средь этихъ гигантскихъ горъ.

Точно въ такую ночь вышелъ Мика изъ скалы старухи Мескины, у которой онъ приставалъ всегда въ Глолахъ, идя на охоту или возвращаясь домой.

Мескина была вдова, окруженная внучатами, и принадлежала къ числу тѣхъ болтливыхъ кумушекъ, племя которыхъ, известное цѣлому свѣту, водится также и въ дикихъ горахъ. Кумушки эти владѣютъ особою привилегіею все знать, а чего не знаютъ, о томъ догадываются и дѣлать свои предположенія. Въ мудромъ совѣтѣ Мескины давно было рѣшено, что Майко измѣнила Микѣ и отдала Критекому.

Мика, наслушавшись разныхъ намековъ, которые еще больше утвердили въ немъ подозрѣнія, осмотрѣлъ ружье, постоянно у горца заряженное, поточилъ еще разъ о шиферную пилу неразлучный кинжалъ, взялъ двѣ пары чиріани (*) за поясъ и запасъ арчимами (**); перекинулъ черезъ плечо башмакъ и, простившись съ Мескиною, вышелъ на улицу.

Онъ пошелъ къ Фабіану, чтобъ взять его на охоту въ горахъ. Непривѣтливо показалось ему селеніе, въ которое онъ такъ часто въѣзжалъ, оживляемый радостію, надеждою снова увидѣть свою Майко. Тихо онъ шелъ по скалистой тропинкѣ межъ домиками, цѣпляясь прикладомъ за камни заборовъ. Кой-гдѣ еще свѣтились запоздалые огоньки; длинныя тѣни лежали на скалахъ и мѣсяць стоялъ надъ зубами Кадель, освѣщая селеніе. Мертвая тишина окружала окрестности; изрѣдка вырывался изъ мрака скрипъ притворенной двери, да лай сторожливой собаки вырзывался пронзительнымъ звукомъ изъ общаго гробоваго молчанія.

Мика дошелъ ужъ до дому Педоа; но долго не могъ онъ рѣшиться войти на дворъ. Точно какая-то сила его удерживала, точно какой-то невидимый духъ окувалъ и оугалъ его движенія, точно какой-то неслышимый голосъ таинственно говорилъ ему: «не ходи!»—Онъ остановился у изгороди.

Въ верхней скалѣ, у Критскаго, ярко свѣтлся огонь, проникая сквозь щели; маленькое окошко завѣшено было листомъ бумаги; денщикъ спалъ на галлереѣ, но въ комнатѣ кто-то ходилъ. Мика невольно прислушивался; ему даже чудился чей-то голосъ, какъ будто знакомый, какіе-то робкіе и неясные звуки, какъ будто мольба, будто жалоба; кровь въ немъ кипѣла, въ глазахъ становилось темно; но потомъ все стихало, и снова слышались ему смутно неясныя, тихія рѣчи... Дрожь пробѣжала по его членамъ, онъ дернулъ рѣшетчатая ворота—веревъ скрипнула, чуткій несъ зашумѣлъ звонкимъ лаемъ и чья-то тѣнь, будто женская, прос-

(*) Особого рода на острыхъ шипахъ подковки, подвизываемыя ремнями подъ сапоги.

(**) Арчима—родъ башмаковъ, подбитыхъ съ подошвы ремнями, имѣющими видъ толстой и вышуклой стѣлки.

кользнула по галлереѣ вокругъ скалы Критскаго и исчезла подъ темнымъ навѣсомъ двора.

Мика вошелъ. Фабіанъ, ужъ готовый, одѣтый въ черкеску, съ кинжаломъ у пояса, какъ казалось, давно ждалъ его: онъ нетерпѣливо ходилъ по комнатѣ; шагъ его былъ неровенъ, порывистъ; следъ подавляемаго волненія былъ замѣтенъ въ его движеніяхъ. Мика обвелъ глазами скалю—ничего не было.

«Что-же ты запоздалъ такъ?» сказалъ ему Фабіанъ.

Мика глядѣлъ на него внимательно и не отвѣчалъ.

«Что-жь? мы идемъ?»

— Идемъ,—сказалъ Мика сухимъ и суровымъ голосомъ, словно какъ приговоръ судьбы.

«А не поздно?»

— На разсвѣтѣ мы будемъ у пропости. Ночью тамъ не пройдемъ.

Фабіанъ перекинулъ черезъ плечо актиштъ, взялъ горючую палку, ружье, и они пошли.

Дорога сначала шла по знакомымъ ущельямъ, которыми они не разъ проходили съ Микою; потомъ они и вернулись на сѣверъ и обогнули скалу. Узенькая тропинка, казалось, исчезала между деревьями и терлась въ травѣ, росшей межъ камнями. Дикій лавръ, дубы, боярышникъ путались подъ ногами; они то чернѣли густыми массами, то блестяще, точно лакированныя листы ихъ блестѣли при свѣтѣ мѣсяца. Индѣ, между деревьями, словно какъ привидѣніе, возвышалась, высовывалась надъ бездною бурой шиферной скалы; тѣла, какъ злобщая вѣдьма, то рѣзко выказывалась гигантскою тѣнью дерева на отвѣсѣ скалы, то какъ будто-бы пряталась въ чащахъ кустарниковъ, во впадинахъ каменистыхъ горъ; выходящая растенія грусто торчали по щелямъ и висли гирляндами; иногда приходилось вынимать кинжалы и просѣкать между ними чуть видный путь.

Мика шелъ вперед. Въ трудныхъ мѣстахъ онъ останавливался, то поджидалъ Фабіана, который, по непривычкѣ карабкаться почью по едва видимымъ тропинкамъ, нерѣдко и отставалъ. Уже два или три раза они переходили по сваленнымъ полустгнившимъ деревьямъ черезъ чернѣющие овра-

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Мы получили послѣднюю почту, которая привезла намъ газеты, — русскія до 8 января, иностранныя до 14-го января (н. с.). Парижскія конференции, по вопросу о бессарабской границѣ и о Зибиницкомъ островѣ, совершенно окончены. Въ иностранныхъ журналахъ есть о томъ много весьма любопытныхъ подробностей, которыя мы сообщаемъ далѣе. Вопросъ о дунайскихъ княжествахъ окончательно будетъ разсмотрѣнъ въ теченіи дѣла уже назначенною комиссіею и рѣшенъ въ окончательной конференціи, которая будетъ опять въ Парижѣ не ранее сентября. *Moniteur*, органъ французскаго правительства, по этому случаю высказалъ мнѣніе и желаніе свое, чтобы эти княжества получили организацию твердую, независимую, свободную; прибавляя къ тому, что это желаніе есть вѣстѣ съ тѣмъ желаніе молдаво-валахскаго населенія и исполнѣ соответственно выгодамъ Франціи.

Невшательскій вопросъ можно считать уже совершенно рѣшеннымъ; надежды на мирное окончаніе подтверждаются фактами. Больше всѣхъ въ этомъ соглашеніи видно участіе Франціи, которая въ это время вела переговоры, и оба швейцарскихъ посланника Барманъ и Кернъ были приняты императоромъ весьма ласково. Вмѣстѣ Англіи принято больше для формы, чтобы удовлетворить ея самолюбіе; но существенно дипломатія лорда Пальмерстона въ рѣшеніи невшательскаго дѣла должна понести ударъ. По словамъ журналовъ, швейцарскій сеймъ соглашается на безусловное освобожденіе плѣнниковъ съ тѣмъ, что посредничествующей державы поручается ему заранѣе конфиденціально въ томъ, что прусскій король откажется отъ права на Невшатель и вмѣстѣ съ тѣмъ остановитъ вооруженія. Принято-ль это предложеніе Пруссіею — журналы не говорятъ положительно; но выдаютъ это какъ достовѣрный слухъ. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Санктпетербурга, тамъ уже получили изъ Берна по телеграфу извѣстіе, что швейцарскій сеймъ, большинствомъ 91 голоса противъ 4, согласился дать безусловно свободу плѣнникамъ. Этотъ первый шагъ къ примиренію, сдѣланный со стороны Швейцаріи, служитъ порукой, что дѣло окончится безъ войны. Рѣшеніе Сейма произвело въ Бернѣ общій восторгъ. — *Послѣдніе № №* журнала *le Nord* сообщаютъ вполнѣ по ту кн. Горчакову, переданную чрезъ барона Будберга австрійскому кабинету въ отвѣтъ на депешу графа Буоля по невшательскому дѣлу; этотъ важный документъ говоритъ между прочимъ, что С.-петербургскій кабинетъ не считаетъ возможнымъ «стѣснить какимъ-либо образомъ свободу его величества прусскаго короля, каковы-бъ ни были

мѣры, которыя онъ почтетъ нужнымъ употребить «для полученія требуемаго имъ удовлетворенія». Князь Горчаковъ даетъ замѣтить при томъ, что со дня, когда прусскій король получитъ освобожденіе роялистскихъ плѣнниковъ, онъ почитаетъ возможнымъ надѣяться, «что его величество король прусскій, являя себя чувствительнымъ къ этому съсходительному поступку и почитая съ тѣхъ поръ «положеніе возстановленнымъ въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ оно оставалось при заключеніи лондонскихъ конференцій, согласится охотно на соединенное собраніе, съ цѣлію рѣшить общимъ согласіемъ настоящей вопросъ относительно его «права на невшательскія княжества».

Швейцарскія дѣла подали поводъ къ ясному опредѣленію отношеній между Пруссіею и Австріею, заставивъ послѣднюю высказаться; мы находимъ въ газетѣ *Reus* справедливую оцѣнку этого положенія. Сказавъ нѣсколько словъ о томъ, что Австрія въ сообщенной берлинскому кабинету депешѣ порицаетъ федеративный швейцарскій совѣтъ за отказъ въ справедливыхъ требованіяхъ прусскаго короля, газета *Reus* продолжаетъ: «По мнѣнію вѣнскаго кабинета первое, что должно сдѣлать — это внести на стоящій вопросъ на разсмотрѣніе кабинетовъ, подписавшихъ протоколъ 1852, и предлагаетъ формально созвать родъ конференціи *ad hoc*. Въ этомъ порядкѣ идей вѣнскій кабинетъ не скрываетъ, что ему тяжело видѣть Пруссію, начинающую военныя дѣйствія по своему произволу, не въ слѣдствіе исполненія опредѣленій конференцій. — «Мы имѣемъ отвѣтъ г. Мантейфеля на этотъ документъ; и первый министръ короля Фридриха-Вильгельма не оспариваетъ въ основаніи вмѣшательства державъ, подписавшихъ лондонскій протоколъ; но онъ обвиняетъ ихъ въ свою очередь и упрекаетъ въ томъ, что четырех-лѣтнимъ молчаніемъ по невшательскому дѣлу, они ободрили Швейцарію. Онъ прибавляетъ, что Пруссія дошла уже до послѣдней степени терпѣливости и что рѣшенія, которыя она должна принять для охраненія своего достоинства, не будутъ подчинены никакому внѣшнему вліянію. Такимъ образомъ очень ясно обозначается несогласіе между двухъ великихъ германскихъ державъ. Австрія идетъ еще далѣе; говорятъ, будто «достоверно, что она породила и распространяетъ въ южной Германіи родъ движенія противъ Пруссіи; и особенно по вопросу о пропускѣ прусскихъ войскъ чрезъ другія германскія государства она «думаетъ пачать этотъ споръ.»

Къ счастью этотъ вопросъ уже не можетъ быть поднятъ; послѣднія извѣстія вполнѣ утверждаютъ насъ въ мирномъ окончаніи невшательскаго дѣла, и никакого движенія армій уже вѣроятно не будетъ. Полученныя нами газеты по обычаю наполняютъ

столбцы свои разными предположеніями и гаданіями относительно будущаго рѣшенія события. Мы въ настоящее время полна Европа и Азія. Мы весьма далеки увлекаться предположеніями, отдавая всегда преимущество факту; однако же нельзя не сказать, что судьба Дунайскихъ Княжествъ, конечно, одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ европейской политики и должна возбуждать участіе. Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе нѣкоторыхъ представителей общественнаго мнѣнія во Франціи и въ Германіи, которые видятъ въ устройствѣ дунайскихъ княжествъ стѣня для будущаго несогласія, такъ какъ двѣ слишкомъ интересованныхъ въ томъ державы, Англія и Австрія, выказали уже свои претензіи въ военномъ занятіи Чернаго Моря и княжествъ. Есть даже скептики въ мірѣ журнальномъ, которые сомнѣваются въ совершенномъ очищеніи Чернаго Моря военными кораблями Британці до рѣшительнаго окончанія только что разгорающихся персидскихъ дѣлъ. Англичане интересованы этимъ дѣломъ и остаются въ Синопѣ; нѣкоторые видятъ какую-то связь въ этомъ занятіи съ дѣйствіями въ Персидскомъ заливѣ. Но мы не можемъ выводить заключеній о дѣлѣ, которое до 13/30 марта должно оставаться пока предположеніемъ.

Съ другой стороны англійская политика дѣлается немного уступчивѣе и мягче, можетъ быть только на время. Мы уже говорили о томъ, что въ Америку Англія назначила посланникомъ своимъ лорда Непира. Газета *Times* по этому случаю очень рѣзко высказывается противъ этого назначенія; она говоритъ, что въ Америкѣ политика Англіи должна имѣть самыя дружескія и братскія отношенія; что посланникомъ туда должно назначать человека вполнѣ достойнаго, и не изъ второстепенныхъ лицъ. Важность миролюбивыхъ отношеній съ Америкой она почитаетъ одной изъ главнѣйшихъ заботъ англійскаго правительства и желаетъ, чтобы международныя отношенія этихъ двухъ странъ были доведены до той степени дружбы, чтобы житель Лондона, выгружаясь въ Нью-Йоркъ, считалъ бы себя какъ въ своемъ отечествѣ, а Американинецъ, выйдя на берегъ Англіи, былъ бы какъ дома. *Times* во все не отнимаетъ личныхъ достоинствъ у лорда Непира (просимъ замѣтить, что это не тотъ лордъ Непиръ, что грозилъ разрушить Крошплаттъ); но только находить его не вполнѣ соответствующимъ своему назначенію (Этотъ дипломатъ болѣею частью образовывался въ школѣ лорда Редклифа). Подобное направленіе *Times*, какъ органа общаго мнѣнія въ Англіи, мы находимъ довольно важнымъ. Значитъ, что все еще опасаются столкновенія назначеніемъ болѣе опытнаго и менѣе раздражительнаго посланника, не надѣясь на л. Непира, воспитаннаго на поприщѣ дипломатіи въ юж-

ти, гдѣ бѣшено прыгалъ нагорный источникъ съ скалы на скалу. Одинъ разъ они перебрались надъ страшною бездною по висячему мостику, укрѣпленному на вѣтвяхъ деревьевъ. Они подымались все выше и выше; дѣсь уже началъ рѣдѣть. Былыя шапки горъ рѣзко вырѣзались на чистомъ синѣющемъ небѣ; дальнія и высокія изъ нихъ стали обозначаться и дѣлаться розовыми: на нихъ занималась заря. Они поднялись до мховъ и вдругъ очутились на ровной плоскости; холодъ пахнулъ на нихъ, какъ изъ погребана равнинѣ былъ снѣгъ. Влѣво отъ нихъ невообразимою, восхитительною картиною стояли, наравнѣ съ ними, бѣлки отдаленныхъ горъ, будто море изрытаго бурей и застыншаго серебра; ниже чернѣли лѣса и лежали ущелья, задернутыя туманомъ, какъ дымокю; вправо стояла темная, безобразная и гигантская гора скалъ; на вершинѣ ихъ снѣгъ, нахлобуцаясь, висѣлъ карнизамъ и грозился упасть своей массой на дерзкаго путника. Начинало свѣтать — и вершины горъ заиграли блестящими радужными цвѣтами.

Мика остановился, сѣвъ на снѣгу и сталъ тотчасъ подвязывать на ноги горныя, взятые имъ подковки; одну пару онъ отдалъ Критскому. Они оба обулись по-горски и пошли далѣе. Снѣгъ становился глубже; по мѣстамъ онъ былъ рыль, а мѣстами окръпъ. Они направлялись къ скаламъ, которыя издалека казались сплошною стѣною. Подойдя ближе, они увидали трещину, въ глубинѣ которой изъ самаго верхняго и огромнаго ледника брызгалъ и съ ревомъ стремился гремѣщій потокъ, низвергаясь въ бездну; брызги его летѣли далеко и снѣгъ на обрывѣ обледенѣлъ.

«Ну, вотъ и пришли, — сказалъ Мика; — вотъ пропасть, что я тебѣ говорилъ.»

Критскій остановился; чуть видная тропинка оканчивалась на мерзломъ снѣгу; черная и бездонная трещина раздѣляла скалу; по ту сторону ея видѣвъ былъ точно такой же снѣгъ. Справа надъ ними стояли и громоздились скалы; слѣва зіяла бездна, въ которой ревѣлъ, низвергаясь каскадами, горный потокъ. Разстояніе между прерванными тропинками было аршина въ четыре; очевидно, что съ каждымъ шагомъ его разрывался вода.

— Что же мы станемъ тутъ дѣлать? — спросилъ Фабіанъ.

«Ничего; — пойдемъ далѣе.»

— Куда?

«Развѣ не видишь тропинку?»

— Вижу; да какъ же туда пройти?

Мика взглянулъ на Критскаго и какой-то особой, необъяснимой улыбкою оживилось его лице.

«Прыгай!» сказалъ онъ, указывая окранию.

— Ты съ ума сошелъ! Это значитъ идти на смерть.

«Прыгай!»

— Но развѣ не видишь ты явной гибели?

«Все равно. Кто правъ передъ Богомъ, тотъ не погибнетъ. Кто виноватъ, тому двухъ разъ не умирать.»

— Но я не хочу рисковать моею жизнью изъ улачества.

«Прыгай же вмѣстѣ со мною, когда у тебя есть душа.»

— И тебѣ не совѣтую; я тебѣ запрещаю прыгать...

«Мнѣ?... Ты мнѣ не велишь?... А я прыгну; мнѣ все равно; а ты трусъ!»

Критскій не могъ удержать движенія; онъ притиснулъ къ груди ружье, пальцы его искали курка.

— Трусъ? я?... — И ты смѣешь?...

«Да, трусъ; — сказала Мика, становясь на край бездны и опираясь на палку. — Трусъ! ты за женщинами умѣешь охотиться, а не за джиранами. Совѣсть у тебя не чиста!»

Съ этимъ словомъ онъ перегнулся всѣмъ корпусомъ — и скакнулъ.

Этотъ отчаянный, дерзкій прыжокъ черезъ бездну, на разстояніи четырехъ аршинъ, спугалъ всѣ мысли Критскаго.

Гнѣвъ, гордость, досада — все уступило мѣсто испугу и удивленію: — Мика ужъ былъ на той сторонѣ обрыва и щупалъ палкою подъ ногами снѣгъ.

Не прошло двухъ минутъ — и глыба замерзшей земли пошатнулась у него подъ ногами; еще мгновенье — она стала спускаться съ нимъ въ бездну, ползя по отвѣсу скалы.

Мщеніе, ненависть, самолюбіе, гордость — все это стихло въ взволнованномъ сердцѣ Критскаго; все заглохло теперь желаніе спасти человека, ближняго, брата и храбреца.

«Мика, Мика!» кричалъ онъ, — спасайся; держись!»

Но Мика спускался съ глыбою; окрания бездны была у него ужъ надъ головою. Отчаяннымъ взмахомъ закинулъ онъ горюю палку крючкомъ и вѣсплелся за край скалы. Земля рухнула изъ-подъ ногъ его — онъ остался, вися надъ пропастью.

Фабіанъ отступилъ на шагъ и зажмурилъ глаза. У него не хватило духу, чтобы еще крикнуть, чтобы взглянуть на ужасное положеніе Мики; онъ отбѣжлъ отъ ужаса.

Прошло минутъ пять еще... Мика висѣлъ надъ бездною.

«Спасайся, спасайся!» кричалъ ему Критскій; веревку, веревку!» — Онъ потерялся; не зналъ, что пачать.

Прошло еще минутъ пять; Мика не могъ пошевелиться.

При малѣйшемъ недовкомъ, невѣрномъ движеніи, онъ могъ оборваться. Онъ чувствовалъ приливъ крови къ ногамъ; руки его нѣмѣли... Онъ сдѣлалъ усиліе и сталъ тихо взбираться по палкѣ, какъ по веревкѣ, и нѣсколько уже поднялся.

Но край скалы, за который онъ уцѣпился, былъ не надеженъ. При первомъ усиліи онъ не могъ устоять отъ напора тяжести; окрания откололась, палка оборвалась...

Дикое и глухое эхо изъ самой глубины бездны откликнулось въ сердцѣ Критскаго; — онъ невольно взглянулъ туда.

Сизый туманъ застигалъ дно пучины; потокъ шумѣлъ, перепрыгивая каскадами по уступамъ; что-то черное разорвало туманную массу облака; солнце блеснуло изъ-за вершины, скользнуло по краю ущелья. — Кривая полоса показалась на сѣромъ обрывѣ скалы...

VI.

Вечеромъ, черезъ день, на площадкѣ предъ церковью, въ огромной шиферной плитѣ лежалъ принесенный трущъ Мики. Священникъ служилъ надъ нимъ панихиду; родственники рыдали, били себя кулаками въ грудь, рвали волосы, исполняя обычай, — увѣ! очень грустный обычай поддѣльнаго горя и мелодраматическаго отчаянія. Не было недостатка и въ любопытныхъ, хотѣвшихъ взглянуть на разбитый черепъ несчастнаго удальца, на обезображенное лицо его.

Критскій не выходилъ изъ комнаты; онъ все писалъ и истерпѣливо ждалъ прібытія вѣстныхъ начальниковъ, чтобы

ныхъ странахъ, гдѣ Англія всегда вообще любила говорить тономъ диктатора. Morning Post, органъ л. Пальмерстона, напротивъ вполне одобряетъ борьбу такого посланника, ссылаясь на литературные и ученые труды лорда. Эта газета какъ будто бы упрекаетъ Англію, что она отстала отъ другихъ просвѣщенныхъ странъ, которыя давно уже поручали дипломатическія довольно трудныя миссіи людямъ ученыхъ и литераторамъ. Она называетъ Нибура, Бунзена, Шатобриана, Баранта, Гизо, Ламартина, Вашингтона Ирвинга, Банкрофта, Шгиделя и другихъ. Впрочемъ л. Пальмерстонъ и лордъ Кларендонъ, вопреки мнѣнію Times, вполне надѣются, независимо отъ литературно-ученыхъ достоинствъ, и на дипломатическія способности лорда. Мы съ ними не споримъ, а лучше подождемъ хода событий, вполне разделяя мнѣніе популярной газеты Англіи. Надо думать, что нападеніе на Кантонъ будетъ принято неблагопріятно въ Америкѣ и для Англіи надобно много ловкости придать этому дѣлу законный видъ.

Объ этомъ событіи напечатано въ лондонскихъ журналахъ официальное донесеніе адмирала Сеймура лорду адмиралтейства, занимающее двѣнадцать столбцовъ. Очень понятно, что этотъ огромный документъ обвиняетъ вполне Китайцевъ, и мы поддерживаемся даже отъ покушенія передать его содержаніе.

Обиліе разныхъ извѣстій по поводу конференцій и нештатскихъ княжествъ заставляютъ насъ отложить до слѣдующаго № нѣсколько интересныхъ новостей относительно Турціи и Персіи.

Съ настоящею почтою получено много извѣстій о буряхъ, бывшихъ на Средиземномъ морѣ, въ Ламаншъ и въ Англіи; около Мальты и въ Темзѣ разбито большое количество разныхъ судовъ.

Въ послѣднее время газеты наполнены подробностями о убійствѣ парижскаго архіепископа Сибура въ церкви св. Стефана (St.-Etienne du Mont). Это не политическое событіе произвело разумѣется сильное впечатлѣніе въ Парижѣ. Убійца, запрещенный настоятель Верже, поразилъ архіепископа въ сердце ножомъ, когда тотъ проходилъ, благословляя народъ. Многие приписываютъ причину такого поступка единственно фанатизму; духовенство старается приписать его помѣшательству. Однако же Верже вовсе не сумасшедшій. Какъ кажется, онъ питалъ личную ненависть къ Сибуру и при томъ у него были свои понятія о положеніи духовенства во Франціи. При допросахъ онъ указалъ на безбрачіе католическихъ священниковъ, какъ на одну изъ причинъ совершеннаго имъ злодѣянія; меру онъ отзывался: «не должно допускать, чтобы священникъ умиралъ съ голоду».

(Nord.) Результатъ парижской конференціи достиг-

исполнить формальности. Майко не было видно ни въ садѣ, ни на дворѣ, ни на галлерейкѣ. Климовъ задымалъ выюки; лошади были подкованы, Фабіанъ былъ одѣтъ; онъ лишь ждалъ...

Ровно въ обѣдъ участковый начальникъ прѣхалъ и началъ слѣдствіе. Показанія были сняты, куры зарѣзаны, маленькій бурдючокъ вина и кувшинчикъ *раки* (*) приготовлены истиннымъ гостепріимствомъ. Дѣло окончилось мирно; обѣдъ готовъ. Всѣ были спрошены, всѣ остались довольны и сыты. Къ вечеру Критскій могъ выдохнуть.

Онъ торопился оставить Гюлы. До Уперя двѣнадцать верстъ переѣзда. Лошади были засѣланы. Онъ поѣхалъ. Дорога на этомъ пространствѣ идетъ то скалами, то лѣсомъ, по берегу бѣснаго Ріона, черезъ который наброшены зыбкіе узкіе мостики безъ перилъ, упираясь иногда въ скалу. Ихъ переходятъ обыкновенно вѣдя въ поводу за собою коня.

При одномъ изъ такихъ переходовъ, Критскій едва спустился по шифернымъ скользкимъ плитамъ, подъ нависшей скалою и становилъ уже въ стремя привычную ногу, чтобы хватъ дабы, кто-то схватилъ его за край полы.

Фабіанъ обернулся; — у ногъ его была женщина.

Вечерело; и солнце бросало смеркающіе лучи свои по вершинамъ горъ и кой-гдѣ только падало черезъ частую листву дремучаго лѣса широкими желтыми пятнами на густую траву. Съ перваго взгляда Критскій не могъ понять, что за существо его останавливаетъ, чего отъ него хочетъ женщина, одна, на дорогѣ, въ пустынномъ лѣсу. Но невольный, neodолжимый и тягостный трепеть, потрясшій его мгновенно, сказалъ ему истину; женщина эта была — Майко.

«Что ты? Зачѣмъ ты здѣсь въ эту пору?» — сказалъ онъ, стараясь сѣсть на коня.

— Ты убажешь, ты меня бросаешь; я ѣду съ тобою; я не хочу такъ погибнуть, какъ Мика, возьми меня.

Дрожь прохватила Критскаго. Климовъ съ выюкомъ и съ

нута не безъ дипломатическихъ переговоровъ. Вотъ какъ — образомъ происходило дѣло: Англія выжидала срокъ, предложенный Россіей, для очищенія княжествъ и Чернаго Моря—15-го (3-го) февраля—слишкомъ близкимъ. Австрійскія матеріально не могли поспѣть къ тому времени. Россія согласилась отсрочить нѣсколько окончаніе занятій комиссіи для опредѣленія границъ, а также очищеніе турецкихъ земель и водъ, но никакъ не хотѣла допустить ограниченія, которое Англія старалась ввести въ опредѣленіе срока и которое состояло, кажется, въ присоединеніи словъ: «если не встрѣтятся чрезвычайныхъ обстоятельствъ». Понятно, что такое письменное ограниченіе заставляло бы подразумевать еще большее стѣсненіе и предвѣщало бы важныя затрудненія въ будущемъ. Итакъ Россія настойчиво объявила, что не подниметь сдѣлки, если не будетъ поставленъ опредѣлительный и категорическій срокъ очищенія. Она согласилась отложить его до 30-го (18-го) марта, съ тѣмъ, чтобы очищеніе послѣдовало скорее раньше, чѣмъ позже. Статья «Монитера» доказываетъ, что это послѣднее мнѣніе одержало верхъ.—Собраніе 6-го января (25-го декабря) продолжалось съ 2 часовъ до 5½. Баронъ Бруновъ выказалъ въ немъ много ума и настойчивости, а лордъ Коуллей и баронъ Гюбнеръ, которымъ предписано было уступить, выказывали какое-то замѣшательство и раздраженіе. Большинство, состоявшее въ засѣданіи 31-го (19-го) декабря изъ Англіи, Австріи, Франціи и Нормы, изменилось въ собраніи 6-го января (25-го декабря): въ составъ его вошли Франція, Россія, Пруссія и Сардинія. Подъ большинствомъ должно разумѣть мнѣнія, выраженныя до подписанія протокола, такъ-какъ баллотировки не было, потому-что вопросы были уже рѣшены заранее дипломатическимъ путемъ. Изъ статьи «Монитера» видно, что французское правительство принуждаетъ комиссію княжествъ отдать отчетъ о своихъ занятіяхъ комиссіи, которая соберется въ Парижѣ. Это новое собраніе конференцій не встрѣтитъ послѣ этого такихъ затрудненій, какъ нынѣшнее. Императоръ Наполеонъ изъявилъ желаніе, чтобы комиссія княжествъ подала отчетъ свой въ теченіе мая мѣсяца 1857 года.

— Всѣ французскія газеты одобряютъ рѣшеніе, принятое конференціей, и находятъ, что Франція одержала верхъ надъ упрямствомъ Англіи и Австріи. Даже газета «Siècle» грозитъ отречься отъ Англіи, если она къ 30-му (18-му) марта не очиститъ Чернаго Моря.

— Посольство въ Парижѣ доктора Керна было успешно. Императоръ Французскій принялъ швейцарскаго посланника очень милостиво, развѣзжалъ съ нимъ два часа и согласился съ существующими пунктами предложенія союзнаго совѣта. Инструкціи, данныя доктору Керну и полковнику Берману, благоприятствуютъ миролюбивому разрѣшенію нештатскаго вопроса.

(Nord.) На биржѣ говорили, что графъ Валуевскій будетъ назначенъ посломъ въ Санктпетербургъ, и что мѣсто его въ Парижѣ займетъ г. Тувенель. Это извѣстіе, по-крайней-мѣрѣ, преждевременно. Утверждаютъ также, что прусскій король отменилъ свои военные приготовленія.

(Nord.) Въ частномъ письмѣ изъ Шанхая отъ 10-го ноября (28-го октября) сообщаютъ о новомъ сраженіи между арміей инсургентовъ и войсками правительства. Богдыханскія начальства очистили городъ и инсургенты окончательно водворились въ немъ. Сраженіе происходило 5-го, а на другой день предводитель инсургентовъ объявилъ о низверженіи нынѣшней манчжурской династіи въ Китаѣ, а себя провозгласивъ возстановителемъ династіи Минювъ и прямымъ преемникомъ послѣдняго богдыхана изъ этой династіи Тан-Ти, свергнутого съ престола въ 1644 году тогдашнимъ предводителемъ мятежниковъ Шун-Ти. Эти факты, въ связи съ

конвойнымъ казакомъ подѣхали и остановились при этой стѣнѣ. Фабіанъ покраснѣлъ; но черезъ минуту онъ овладѣлъ собою.

«Чего она хочетъ отъ меня?» торопливо сказалъ онъ, какъ будто-бы спрашивая отвѣта у Климова.

— Видно рѣхнулася, в. б—днѣ. Чо дивити!—бабій умъ;—Мика-то былъ ей женихъ.

«Рѣхнулася?—Ты думаешь?..»

— Вѣстимо. Вѣдъ видко, что не въ себѣ.

«Что же мы станемъ съ ней дѣлать? Уже скоро ночь...»

Между тѣмъ Фабіанъ старался освободить свою руку изъ рукъ Майко. Но, казалось, что руки ея тутъ замерли. Припавъ на колѣни, недвижимымъ взоромъ глядя на она на Критскаго, блѣдная и нѣмая какъ истуканъ.

— Что же съ ней дѣлать въ лихой часъ?. Теперь-то, не што-таки, погорюеть и всплякнетъ; да вѣдъ не вѣки-же такъ:—отгуляется.

«Да куда-жь мы ее возьмемъ?»

— Куда съ ней возитья!—Бды еще наживешь. Народъ азіатъ; не ровенъ часъ,—покажуи, что изъ-за бабы, да еще и убьютъ. Бросьте ее, ваше благородіе! до дому и сама дойдетъ.

Майко сдѣлала надъ собою усиліе, судорожно прыгнула она на Климова; тотъ ударилъ нагайкой по лошади; Критскій вскочилъ въ сѣдо—и они поѣхали.

Полумертвая, подоумная, съ сердцемъ разбитымъ, не вѣря глазамъ своимъ, долго стояла Майко, глядя неподвижно на опустѣлую передъ нею дорогу, скрывающуюся за выступомъ строй скалы. Мысли у нея помутнились; силы ея оставили и она упала на грудь лежащаго у дороги шифера.

Года четыре тому вазалъ, благодаря влажному климату Имерети и бродячей жизни по ея живописнымъ лѣсамъ, я получилъ самые незначные ревматизмы и все лѣто ходилъ на костыляхъ. Медики посоветовали мнѣ съѣздить на воды. Въ августѣ я немного поправился и поѣхалъ въ Рачу. Перевалявшись за Накералу, я очутилъ Горный здоровый воздухъ

атакой на Каятонъ, дають китайскому вопросу новый оборотъ.

— Разстрѣланный 20-го (8-го) декабря предводитель сипайскаго мятежа баронъ Бентивенья объявилъ передъ смертью, что одинъ онъ былъ предводителемъ мятежа, и просилъ, чтобы съ несчастными его товарищами обошлись съ милосердіемъ и умѣренностью.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

СОВРЕМЕННЫЙ БЫТЬ СТАВРОПОЛЯ.

Письма корреспондента газеты «Кавказъ».

IV.
(Окончаніе)

Изъ того же отчета мы узнали, что въ приходѣ по Заведенію Св. Александры, въ 1856 году, общая сумма простирается до 11.031 р. сер., а въ расходѣ до 9.070 р. сер.; что, кромѣ того, остается неприкосновеннымъ принадлежащій ему капиталъ въ билетахъ кредитныхъ учрежденій въ 13.988 р. съ накопившимися на него процентами въ количествѣ 559 руб., и что, наконецъ, въ Заведеніи находится нынѣ 100 воспитанницъ, изъ коихъ содержится на счетъ Заведенія 17, на счетъ благотворителей 23, своекоштныхъ 19, отъ Кавказскаго Лицѣйнаго Казачьяго войска —30, отъ Ставропольскихъ гражданъ 10 и 1 воспитанница на счетъ суммы, выручаемой за руководѣнія питомицъ Заведенія. Это послѣднее обстоятельство въ особенности знаменательно, равно какъ и та пѣжная, попечительная заботливость, съ которою воспитанницы старшаго класса, дежуря по очереди въ больницѣ Заведенія, ухаживаютъ за больными своими подругами, нерѣдко просиживая здѣсь цѣлыя ночи и никогда не жалуясь на усталость или утомленіе. Проявляющаяся, такимъ образомъ, въ юныхъ питомицахъ готовность оказывать личное свое участіе къ ближнему свидѣтельству объ утѣшительномъ вкорененіи религиозно-нравственныхъ началъ и ручается за будущую пользу, какую онѣ принесутъ тому обществу, членами коего онѣ сдѣлаются современемъ.

Далѣе въ томъ же отчетѣ сказано: «Правленіе Ставропольскаго Женскаго Благотворительнаго Общества, не переставая заботиться о возможно-большемъ упроченіи благосостоянія Заведенія св. Александры, не могло не обратить особеннаго вниманія на неудобство занимаемаго нынѣ Заведеніемъ помѣщенія, которое, между тѣмъ, стоитъ значительныхъ ежегодныхъ издержекъ. Для устраненія этого весьма важнаго недостатка, по неимѣнію въ Ставрополѣ такихъ частныхъ или общественныхъ домовъ, гдѣ-бы Заведеніе могло помѣститься съ большими удобствами, Правленіе полагало одно средство, именно: постройку новаго зданія, которое-бы вполне соответствовало потребностямъ Заведенія. Къ осуществленію этой мысли Правленіе

какъ будто-бы обновилъ меня. Я доѣхалъ до Гюль и остался тамъ двѣ недѣли, любуясь картинными видами и каждый день выпивая по двѣдцати стакановъ чудесной воды.

Проводя почти цѣлый день у источника, я такъ сдѣлалъ довольно знакомствъ. Старуха Мескина съ своими внучатами, рослый Беда, добродушный старикъ Пецоа съ семействомъ, у котораго я и останавливался,—сдѣлались моими пріятелями. Въ этомъ гостепріимномъ, отдаленномъ уголкѣ Закавказья я отдохнулъ.

Однажды по-утру, сидя у источника и болтая съ Мескиною, я былъ пораженъ замѣчательной красотой одной стройной, но нѣсколько толстоватой, здоровой женщины съ тройкою ребятишекъ, изъ коихъ одинъ былъ грудной. Водоокая, какъ Юнона, она такъ и просилась въ модель для какой нибудь древней богини. Въ Дианы она уже не годилась, но за Палладу могла-бы сойти безукоризненно. Вообще въ томъ краю я встрѣчалъ очень часто чудесные типы античной прелести.

Женщины ходятъ тамъ некрасиво закутанныя; но какъ-то случайно я былъ свидѣтелемъ туалета замѣченной мной Юноны: она мыла голову. Меня поразило довольно странное свойство ея волосъ: они были особенно тонки, воднисты и тусклы, какъ будто руно. Встрѣтивши въ Сорахъ кретина, я думалъ, что странные эти волосы—тоже какая нибудь болѣзнь. Расторопный Беда и Мескина тотчасъ-же мнѣ разъяснили мои сомнѣнія.

«Эхъ, эхъ, батона!—сказала старуха, такая-ль она была. Это недугъ ее сокрушилъ; она въ дѣвкахъ и живѣсть какъ переболѣла: чуть чуть, что не умерла».

Формы Юноны однако-же очень тому противорѣчили.

— Чѣмъ же она болѣла? спросилъ я Беду черезъ переводчика.

Оказалось, что у Юноны когда-то была горячка;—и по этому поводу они мнѣ рассказали большую исторію.

Вѣрно читатель найдетъ весьма неожиданнымъ, ежели я скажу ему, что здоровая и увѣсистая Юнона—была Майко.

(*) Вода изъ источника.

долго не имѣло-бы никакой возможности, если-бы даже и рѣшилось пожертвовать для этого всѣмъ своимъ капиталомъ. Но, не смотря на то, настоящее предположеніе, благодаря щедрой благотворительности Л. Е. Павлова, близко уже къ осуществленію. Г. Павловъ, прося приобрести подъ постройку Заведенія приличное мѣсто, составить подробную для этой постройки смету и определить сумму, какою Правленіе можетъ располагать на постройку здания, предложилъ остальную затѣмъ, исчисленную по сметѣ, сумму принять на свой счетъ. Изъявивъ глубочайшую признательность г. Павлову за такой благотѣльный его вызовъ, Правленіе всѣ предположенія свои по настоящему предмету представило уже на разсмотрѣніе и утвержденіе ея свѣтлости, председателю Общества княгинѣ Е. К. Воронцовой.

Правленіе между прочимъ обратило особенное вниманіе на музыкальныя способности нѣкоторыхъ воспитанницъ, и, благодаря участию въ этомъ дѣлѣ нѣсколькихъ благотворителей, ввело съ недавняго времени въ Заведеніи св. Александры преподаваніе музыки (*).

Заключительныя строки отчета были посвящены незабвенной основательницѣ Общества, свѣтлѣйшей княгинѣ Е. К. Воронцовой, при чемъ было выражено душевное сожалѣніе о кончинѣ ея супруга, благотѣльные дѣйствія котораго на пользу здѣшняго края навсегда останутся неизгладимыми въ признательной памяти всего Кавказа.

На описываемомъ актѣ мы, между прочимъ, были свидѣтелями и той заботливости Правленія, съ которою оно принимаетъ всѣ мѣры, чтобы приохотить воспитанницъ къ болѣе успешному ученію, возбуждая въ нихъ для этого похвальное соревнованіе. Въ этомъ отношеніи самая лучшая и вѣрнѣйшая мѣра заключается въ поощреніи, — и Правленіе щедро награждаетъ всѣхъ тѣхъ воспитанницъ, которыя, при должномъ благонавіи, оказываютъ отличные успѣхи въ преподаваемыхъ имъ наукахъ. На этотъ разъ получили награды 15 воспитанницъ. Окончившія же полный курсъ ученія воспитанницы, кромѣ аттестатовъ, получили по экземпляру св. Евангелія, которыми Правленіе какъ бы благословило вступленіе ихъ на новое поприще жизни.

По прочтеніи отчета, преподаватель закона Божія, священникъ Василій Бунаковский обратился къ выпускнымъ воспитанницамъ съ краткимъ поучительнымъ словомъ. Торжественный актъ былъ заключенъ народнымъ гимномъ, исполненнымъ воспитанницами Заведенія.

Но этимъ не кончился праздникъ Заведенія св. Александры; посѣтителъ были приглашены и на балъ. — Въ тотъ же день, 16-го декабря, съ 6-ти часовъ вечера ярко освѣтилась преобразовавшаяся изъ дортуара великолѣпная балная зала; по пріѣздѣ ихъ превосходительство А. В. Козловской и Я. П. Булычева, въ импровизированной залѣ были уже размѣщены живописныя группы воспитанницъ, чинно двигавшіяся по гладкому ея паркѣ, подъ громкіе (хотя, правду сказать, и не очень стройные) звуки музыки; вистѣвшіе на стѣнѣ, обвитые живыми плющами, портреты ихъ свѣтлости княгини и князя Воронцовыхъ довершали это скромное, но тѣмъ не менѣе прекрасное убранство залы.

Настоящій балъ предназначался исключительно для воспитанницъ; приглашенные гости не принимали въ немъ участія и оставались только зрителями.... Но вотъ музыка заиграла танецъ; группы воспитанницъ раздѣлились, изъ нихъ образовался особый кругъ, и 24 пары стройно, граціозно заколыхались, закружились, подъ звуки — то тихіе и плавные, то порывистые и рѣзвые. Право, нельзя было не восхищаться этими танцами и не удивляться той стройности, съ какою рѣзвая, многопарная толпа дѣтей порхала такъ живо, такъ свободно, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ согласно.... Затѣмъ раздались мотивы балльной музыки, и воспитанницы Заведенія смѣшались въ парахъ съ своими гостями — воспитанниками Гимназіи. Кадрилы смѣнялись польками, галопомъ, вальсомъ... и дѣтскому веселью не было конца.... Подъ звуки полонеза стройный рядъ направился къ столу, на которомъ множество блюдечекъ были наполнены разными лакомствами. Проходя мимо его, каждая изъ воспитанницъ получала свою долю

и продолжала шествіе, нисколько не нарушая порядка. Потомъ снова начались танцы и продолжались уже до полуночи....

Послѣ этого, черезъ нѣсколько времени, у насъ былъ актъ въ Гимназіи. Въ назначенный день, 30 декабря, гимназическая зала была полна посѣтителями. Актъ начался пропѣтою гимназическимъ хоромъ пѣвчихъ духовною пѣсню «Царю Небесный», послѣ чего старшій учитель словесности г. Юхотниковъ произнесъ занимательную, оживленную современными интересомъ рѣчь, въ которой изложилъ исторію русскаго театра и русскою комедіи. Одно изъ главныхъ достоинствъ этой рѣчи заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что она не утомляла слушателей сухими историческими фактами, а, напротивъ того, увлекала ихъ прекраснымъ изложеніемъ постепеннаго развитія въ нашемъ отечествѣ драматическаго искусства, болѣе или менѣе опредѣляющаго и относительное развитіе русской народной образованности. — Послѣ рѣчи, ученики низшихъ классовъ продекларировали пѣсню въ стихахъ, на русскомъ, французскомъ, армянскомъ, черкесскомъ и татарскомъ языкахъ; потомъ ученики высшихъ классовъ, преимущественно изъ Горцевъ, прочли свои сочиненія. Слушая эти сочиненія, мы не могли не обратить особеннаго вниманія на прочитанный воспитанникомъ изъ Горцевъ Инадуко Тхостовымъ разсказъ «Чеченцы». Правильность языка, последовательность, оригинальная картинность изложенія и, наконецъ, твердое, совершенно-безукоризненное произношеніе — все это доказывало успешное изученіе Горцами русскаго языка. — Далѣе былъ прочитанъ отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ дирекціи въ 1856 году; послѣ этого г. директоръ Гимназіи вручалъ аттестаты молодымъ людямъ, окончившимъ полный курсъ гимназическаго ученія. Затѣмъ г. инспекторъ Гимназіи объявилъ имена учениковъ, удостоенныхъ наградъ и перевода въ высшіе классы. Актъ заключился торжественнымъ народнымъ гимномъ «Боже Царя храни!»....

Вотъ два событія, которыми сопровождались у насъ, въ Ставрополь, послѣдніе дни минувшаго 1856 года!

Вслѣдъ за канувшимъ въ вѣчность старымъ годомъ, наступилъ новый, пока еще тонкій его собратъ... явились, по обыкновенію, новыя надежды, новыя желанія, никогда не покидающія смертнаго.

Встрѣча этого новаго гостя, ожидаемаго обыкновенно съ тревожнымъ волненіемъ, была у насъ тихая, чисто патриархальная: всякій сидѣлъ дома въ кругу своей семьи или въ обществѣ близкихъ своихъ знакомыхъ. Но за то первыя дни новаго года у насъ проходили шумно, весело, вполне по-праздничному. Такъ въ самый новый годъ въ Дворянскомъ Собраніи былъ большой общественный балъ, отличавшійся изысканностью и разнообразіемъ дамскихъ нарядовъ; 2-го января мы не безъ удовольствія провели вечеръ въ театрѣ, на бенефисъ нашей даровитой артистки г-жи Вышеславцевой. 3-го января... но этотъ день выходитъ изъ ряда дней обыкновенныхъ, и потому мы поговоримъ о немъ съ нѣкоторою подробностью: онъ ознаменованъ у насъ добрымъ дѣломъ, — благотворительностію.

Мы хотимъ сказать о концертѣ въ Заведеніи св. Александры, данномъ въ пользу его аматерами; вотъ имена ихъ: Людія Францовна Каменева, Марія Максимовна Пальшау, Александръ Львовичъ Каменевъ, Егоръ Макаровичъ Шимановъ, Николай Михайловичъ Петровъ и г. Пейранъ. — Программа концерта состояла изъ двухъ отдѣленій; не исчисляя всѣхъ его пѣснь и не входя въ подробное сужденіе объ ихъ исполненіи (что, въ настоящемъ случаѣ, было бы и неумѣстно), мы должны, однако же, сказать, что изъ всѣхъ вообще прекрасно исполненныхъ пѣснь, болѣе всего понравились публикѣ: Tremolo concertant par Ch. Mayer, — пѣса, сыгранная на роили Л. Ф. Каменевымъ;

вою; cavatine de l'opera Linda de Saffoldini par M. M. Пальшау, и рондо изъ квартета Беріо, для двухъ скрипокъ, виолончели и фортепиано... Въ исполненіи этихъ пѣснь обнаружилась не одна любовь къ музыкѣ; нѣтъ, мы на этотъ разъ невольно забывали, что слушаемъ любителей, и восхищались и пѣвчимъ и игрою, какъ бы слыша все это отъ артистовъ по призванію, посвятившихъ всю жизнь свою изученію музыки; въ особенности первая дѣвъ изъ названныхъ пѣснь были выслушаны среди первъей тишины, невольно воцарившейся между присутствовавшими; но вотъ онъ уже окончены, уже замолкли, замерли въ воздухѣ волшебные звуки, а мы долго еще оставались какъ бы очарованными и потомъ уже разразились долго неумолкавшимъ громомъ рукоплесканій.... Къ довершенію общаго восторга, М. М. Пальшау, по просьбѣ близкихъ ей знакомыхъ, пропѣла не назначенный программой романсъ «Бытало».

Въ слѣдующій день, т. е. вчера, въ театрѣ былъ маскарадъ; но удовольствія этого рода повидимому чужды понятию здѣшняго общества и, — что всего удивительнѣе, — ставропольскія дамы какъ будто дичатся его и не рискуютъ не только надѣть маски, но даже и быть въ маскарадѣ; по этому-то вчера въ театрѣ не было почти никакой занятой ложи, — и маскарадъ, къ сожалѣнію, не удался.

Такъ пока идутъ у насъ дни наступающаго новаго года; въ будущемъ предстоитъ еще не мало удовольствій; завтра, напримѣръ, будетъ балъ въ Гимназіи, къ которому, сколько мы знаемъ, готовится чуть ли не весь городъ, шьются богатые платья, покупаются уборы, разискиваются (?) черточки и, главное, идутъ толки: какъ и на чемъ бы поѣхать на этотъ балъ, потому-что, благодаря погодѣ, сдѣлавшей до невѣроятности грязными здѣшнія изрытыя улицы, — сообщеніе у насъ становится день ото дня затруднительнѣе, такъ-что можно ожидать появленія у насъ особаго покроа экипажей, въ видѣ, напримѣръ, Поева ковчега, которые будутъ возитаться, конечно, уже не лошадьми, а буйволами: вѣда не быстра, но за то способная и надежная!....

Кромѣ бала въ Гимназіи, насъ ожидаетъ другое, болѣе интересное, именно: благородный спектакль, вновь задуманный, какъ мы слышали, съ благотворительной цѣлью, нашимъ аматерами.

J. G.
5-го января 1857 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Старшина Тифлискаго Собранія имѣютъ честь извѣстить гг. Членовъ онаго, что въ воскресенье, 3 февраля, въ домѣ Собранія имѣетъ быть балъ, на основаніи извѣстныхъ правилъ Собранія, въ 8 ч. вечера. 1.

Мадамъ Филиппъ.

чистить и обновляетъ кружева, шить и другія матеріи посредствомъ пѣра; шьетъ разные наряды и платья для дамъ, по самымъ новѣйшимъ фасонамъ. Спросить у ЛОИ, въ колбасной лавкѣ, на Эриванской площади. 1.

ПРИБЪХАЛИ: января 23-го: изъ С.-петербурга поручики: Волковскій и Гендековъ. 25-го: изъ Темиръ-Ханъ-Шуры коллежскій ассесоръ Михельсонъ, изъ Кутаиса капитанъ Ежииковъ.

ВЫЪХАЛИ: января 23-го: въ Шушу прапорщикъ Мирзоевъ, въ Ставрополь прапорщикъ Мирзоевъ. 24-го: въ Персію майоръ Давидовъ.

Тифлисскій театръ.

Въ воскресенье, 27-го января:
СТАКАНЪ ЛИМОНАДА — драматическая фантазія. БѢДА ОТЪ НѢЖНАГО СЕРДЦА — комедія-водевиль. МОСКАЛЬ-ЧАРИВНИКЪ — малороссійская опера-водевиль. Танцы.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ.

Мѣсяцъ и числа по старому стилю.	Часы.	Термометръ Р°.		Сирость воздуха.	Бар. при 134/2 Р° Русс. поз.	Напр. вѣтра.	Состояніе неба.	Темпер. Реом.	
		Сухой.	Смог.					Нощ.	Днѣ.
22-го января.	7 утра.	— 1,2	— 1,6	0,91	569,71	Тихо.	Облачно.	— 1,6	+ 1,2
	1 попол.	+ 1,0	— 0,1	0,78	569,97	В. оч. слаб.	Обл. на гориз.		
	9 вечер.	— 0,2	— 1,4	0,75	570,19	В. оч. слаб.	Облачно.		
23-го января.	7 утра.	— 0,4	— 1,0	0,88	569,41	Тихо.	Облачно и мѣл. снѣгъ.	+ 1,0	+ 1,0
	1 попол.	+ 0,8	— 0,2	0,79	568,73	—	Пасмурно и мѣл. снѣгъ.		
	9 вечер.	— 0,5	— 0,9	0,92	569,66	В. слаб.	Облачно.		
24-го января.	7 утра.	— 2,4	— 3,0	0,86	571,05	СЗ. оч. слаб.	Облачно и иней.	— 3,2	+ 3,0
	1 попол.	+ 2,0	+ 0,0	0,64	570,73	СЗ. оч. сильн.	Обл. разс.		
	9 вечер.	+ 1,2	— 0,6	0,66	571,80	СЗ. сильн.	Облачно. мѣст.		

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

ТИФЛИСЬ. 27-го Января 1857. Ценсоръ А. ЭБЕЛИНГЪ. Въ Типографіи Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго. Редакторъ Ф. Бобылевъ.

(*). Въ настоящее время, на счетъ благотворителей, обучаются музыкѣ восемь воспитанницъ.